

ЗЕМЛЯ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА (ПО СОБОРНОМУ УЛОЖЕНИЮ 1649 г.)

Гордеева Ирина Александровна, аспирант, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: l-ikr-i@yandex.ru.

Автор сфокусировал свое внимание на анализе статей Соборного уложения 1649 г., посвящённых возможности вовлечения земли в гражданский оборот, выделяя особенности оборотоспособности вотчинных и поместных земель. В статье рассмотрены ограничения в обороте земель, порядок перехода прав на землю по гражданским основаниям.

Ключевые слова: Соборное уложение 1649 г., поместные земли, вотчинные земли, продажа земель, мена земель

LAND AS AN OBJECT OF CIVIL LAW (ACCORDING TO THE SYNOD CODE OF 1649)

Gordeeva Irina A., graduate student, Astrakhan State University, 410056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishev St., e-mail: : l-ikr-i@yandex.ru.

The author focuses her attention on the analysis of articles of the Synod Code of 1649 concerning the possibility of land involvement into civil turnover, highlighting features of circulability of ancestral and estate lands. The article discusses limitations in the land turnover and the order of land title passing.

Keywords: Synod Code of 1649, estate lands, ancestral lands, land sale, patrimonial, land barter

Во все периоды развития государства земля была и остаётся основой жизнедеятельности, показателем экономической и политической власти, а также признаком, по которому следует судить о благосостоянии отдельного субъекта и государства в целом. По мнению И.С. Храмовой, «Земля – это основа жизни и деятельности человека. Исходя из этого как сам человек, так и государство, и общество в целом должно относиться максимально бережно к таким природным ресурсам, которые обеспечивают жизнеспособность человека на планете» [3, с. 235]. Однако интересным представляется то, что фактически осуществляя функции основного показателя суверенности, независимости и целостности государства, переход прав на неё может осуществляться по основным законам гражданско-правового регулирования.

Эта ситуация была известна российскому праву довольно давно, однако для целей настоящего исследования особое внимание необходимо обратить на нормативные акты периода становления и формирования абсолютизма в России.

В этой ситуации одним из источников, привлекающих к себе внимание, является Соборное уложение 1649 г. Именно этот документ довольно подробно обратил внимание на гражданско-правовой статус земель и их место в гражданском обороте.

Структурно рассматриваемый документ делился на главы, две из которых были непосредственно посвящены особенностям оборотоспособности земель: глава XVI «О поместных землях» и глава XVII «О вотчинах» [1].

Логичным было бы дать чёткую характеристику статей, входящих в состав этих глав, относящихся к гражданско-правовому регулированию оборота земель. В первую очередь стоит отметить, что Уложением (ст. 1 главы XVI) устанавливались предельно допустимые размеры поместных владений. Проводя параллель с настоящей действительностью, стоит отметить, что в ныне действующем законодательстве нет

ограничений по поводу размера принадлежащих земель, следовательно, образование латифундий законодательство Российской Федерации не ограничивает, однако существуют нормативы по предоставлению земельных участков. Интересно так же и то, что оборотоспособность поместных земель также ограничивалась положениями Соборного уложения. Так, обмен поместьями допускался исключительно с разрешения Государя, о чем говорят статьи 2–7 главы XVI Уложения. Особо стоит отметить, что процедура мены поместьями зависела и от статуса субъектов права, и от местонахождения земель. Например, особый обмен выделялся в отношении московских земель.

Тем не менее вопросы обмена (например, особенности размерного порядка земель) оставались на откуп субъектам мены, учитывая при этом основной принцип гражданского права, сохранившийся до сих пор, принцип свободы договора, или, как он назван в Уложении, «полюбовного расписывания». При этом Уложение допускало обмен не только поместьями, но и мену поместья на вотчину, в том числе с крестьянами, однако при сохранении статуса обмениваемых земель.

Довольно серьёзное значение придавалось при обмене поместий необходимости записи в поместном приказе о совершении сделки (ст. 6 главы XVI). При этом уточнялось, что сам факт совершения сделки, переход права и осуществление правомочий в отношении обмениваемых земель без процедуры записи в поместном приказе не влечёт формального перехода этого права. Рассмотрен этот вариант на примере возможной смерти одного из правообладателей. Так, если запись не была осуществлена, а смерть одного из участников обмена произошла даже после обоюдной расписки об осуществлении сделки и фактического осуществления прав пользователя, подобный обмен признавался не реализованным.

Отдельному анализу для целей настоящего исследования необходимо подвергнуть статьи, посвящённые возможности извлечения средств из эксплуатации поместий. Автор умышленно избегает слов «аренда», «сдача в наём», так как детальное изучение статей позволяет сделать вывод о том, что Уложение в чистом виде подобные ныне известные нам формы не освещает, а предлагает регулирование тех отношений, которые возникали в середине – конце XVII века.

Таким образом, можно выделить, например, сдачу поместий близким родственникам, по форме напоминающую нынешнее пожизненное содержание с иждивением (ст. 9 главы XVI): те же условия сохранения прав и обязанности по удовлетворению потребностей собственника объекта с той лишь разницей, что в качестве плательщиков выступают родственники, а владелец поместья сохраняет права до смерти. Хотя Уложение и называет эту форму отношений «сдача в наём». Отметим, что, как и Гражданский кодекс РФ, Уложение стояло на стороне защиты прав владельца земли, уточняя, что при их нарушении договорная конструкция аннулировалась.

Примерно такая же ситуация рассматривается и в отношении вдов и детей женского пола, которым поместья оставались на прожиток. Последние имели право его «сдавать» (в этом случае без ограничения субъектного состава), но наделая обязанностями лиц, принимающими в пользование поместные земли. Разумеется, за невыполнение своих обязанностей договор прекращал своё действие, и вдовы имели право выбирать иного субъекта права пользования землями.

Особое внимание привлекает тот факт, что возможность осуществления подобных договорных конструкций могла принадлежать лишь «девкам» (осиротевшим дочерям) достигших пятнадцатилетнего возраста (ст. 11 главы XVI).

В отношении возможности владения поместными землями после смерти правообладателя довольно много регуляторов определяло Уложение. Такие земли назывались «выморочными» (стоит обратить внимание на то, что определяющее начало данного термина несколько видоизменилось в современном наследственном праве).

При отсутствии альтернативного способа проживания (доходной части), ст. 13 главы XVI позволяла оставлять эти поместные земли «на прожиток», однако в том размере, который определён ст. 1 рассматриваемой главы Уложения. Остальные земли подлежали перераспределению. Уложение также подробно рассматривает ситуации возможного отсроченного правопреемства поместных земель (если сыновья бы-

ли в малолетстве, а вдовы вышли замуж), особенности сохранения прав на подобные земли дочерей и вдов, вышедших замуж. В последнем случае возможность правопреемства зависела от статуса супруга («иноземец», «крещённый иноземец», боярский сын и т.д.).

Уложение подробно осветило ситуационные моменты правопреемства «выморочных» поместных земель. Это объясняется возникающими социальными потребностями, отсутствием возможности представителям женского пола быть полноправными правообладателями, что, в общем, помогало им сохранять поместные земли после смерти мужа (отца) «на прожиток».

С другой стороны, статьи рассматриваемой главы одновременно с предоставлением прав, регламентировали процедурные моменты их закрепления. Все вопросы перехода прав на поместные земли, возможность эксплуатации, получения прав решались через организацию «челобитных» (заявлений). При этом проблемы принадлежности земли имели одно из ключевых значений, так как в большинстве случаев Уложение отсылало потенциальных пользователей к организации «челобитных» к Государю.

Кроме возможности предоставления прав на поместные земли «на прожиток», глава XVI Уложения весьма подробно рассматривает общий порядок предоставления поместных земель, особенности их распределения (в том числе между сыновьями одного отца), право притязания на «выморочное» имущество, преимущественных прав на которые иные (родственные лица) не имеют.

Касательно последней ситуации ст. 37 главы XVI уточняет возможность возврата предоставленных поместных земель, если законные требования на них выдвигают вдовы и дети бывшего правообладателя. Однако сроки подобного возвращения в статье не упоминаются, но рассматривается неоднократная возможность такого перехода (в том числе на основании мены). При этом все убытки, которые понесли лица в результате рассмотренных конструкций, возлагались на первого «челобитчика», которому поместные земли были предоставлены. Данные положения служили гарантией чистоты сделки и материальной компенсации в случае возникновения ситуации, когда правовой статус земли менялся.

Интересным представляется вопрос предоставления земель различным категориям граждан (разумеется, со ссылкой на положения об объёме притязаний). Однако порядок и его особенности не входят в предмет исследования. Тем не менее, параллельно разрешается вопрос об ограничениях в распоряжении предоставленных земель. Так, например, ст. 50 Главы XVI запрещает продавать и сдавать казакам их земли, лишая их, таким образом, права на вовлечение своих земель в гражданский оборот, одновременно ограничивая права пользователя земли. Интересно, что при одинаковом статусе земли в зависимости от субъекта правообладателя меняется возможность организации гражданского оборота с участием этой земли.

Однако не только глава XVI посвящена правовому статусу и особенностям оборотоспособности земли. Глава XVII Уложения, состоящая из 55 статей, посвящена вотчинам. В первой статье рассматриваемой главы ставится акцент на определяющих элементах вотчины. При этом понятийный аппарат сразу выделяет видовое разнообразие вотчин (родовые и выслуженные), уточняя, что они сохраняются в роду после смерти основного правообладателя и переходят по родству (степень родства имела значение для определения будущих правообладателей), а не прикрепляются «на прожиток», как обстояли дела с поместьями.

Интересным является также то, что половая принадлежность определяет приоритеты по наследованию, не исключая возможности приобретать права на вотчинные земли у представительниц женского пола. Статьи 4 и 5 рассматриваемой главы уточняют, что подобные права могут быть разделены между вдовами и детьми по «жеребьям». В отношении купленной вотчины статья 6 уточняет возможность исключительно владения женой после умершего мужа без притязаний на землю детей.

Необходимость сохранения вотчин в роду подкреплялась положениями статьи 7 главы XVII, в которой устанавливался порядок пользования вдовами вотчинными

землями: в случае заключения нового брака земля переходила к братьям и иным родственникам умершего мужа; в случае сохранения статуса вдовы земли оставались в пользовании женщины до её смерти или пострига в монастырь, после чего вотчина снова переходила в пользование рода.

Стоит отметить, что вотчинные земли имели весьма обширную возможность к оборотоспособности. Так, положения статьи 8 главы XVII говорят о возможностях закладывать земли, осуществлять сделки купли-продажи.

Статьёй 9 регламентируется возможность продажи поместных земель в вотчину, с той лишь оговоркой, что подобное изменение статуса земли (включая субъектные притязания) возможны только на основе Именного Государева Указа.

Статья 13 устанавливает ограничения в оборотоспособности вотчинных земель при общем владении. Однако это ограничение выражалось не в формировании права преимущественного приобретения, а в необходимости получить разрешение на реализацию купли-продажи или в возможности заложить имеющуюся долю вотчинной земли. Тем не менее, статья 14 рассматриваемой главы Уложения устанавливает право остальных сособственников (наследники – братья, после смерти отца) выкупить долю продаваемой вотчинной земли (не ограничивая право продажи), однако норма права ставит не в обязанность продавца предложить сособственникам долю, а в право оставшихся сособственников через «челобитные» получить право на выкуп. Именно эту форму можно считать прообразом ныне существующего права преимущественного приобретения при распоряжении общим долевым недвижимым имуществом, хотя и в несколько ином виде. Уложение регламентирует в данном случае не обязанность продавца, а права остальных сособственников, в чём и выражается ключевое отличие от функционирующих в настоящее время норм гражданского законодательства.

Интересным образом защищались права инвалидов при распределении наследственной массы, в которую входили вотчинные земли. Они не просто не лишались права быть равными правообладателями, статья 15 настаивала на том, что глухие и немые дети умершего собственника вотчинных земель нуждались в особой защите от полноценных братьев и сестёр и могли претендовать на равную долю вотчинных земель («жеребий»).

Возможность осуществлять продажу вотчинных земель весьма свободно регламентировала статья 27 главы XVII Уложения, гарантируя права приобретателя в виде отсутствия возможностей претендовать наследникам продавца после его смерти на продаваемые вотчинные земли. Кроме того, этой же статьёй формировалась ценовая политика гражданского оборота земель (устанавливались приблизительные границы оценки за исключением оценки строений на земельном участке). При этом стоит отметить, что формировались лишь ориентировочные цены, так как статья 28 указывает возможность самостоятельного определения стоимости вотчинных земель, ещё раз подтверждая существование принципа свободы договора в российском праве эпохи формирования абсолютной монархии.

Уложением устанавливался срок притязания на вотчинные земли (проданные, заложенные) – 40 лет. При этом, насколько понятно из смысла статьи 30 рассматриваемой главы «О вотчинах», течение срока начинается с того момента, когда реализовалась первая договорная конструкция. Здесь интересным является то, что количество переходов прав на вотчинные земли значения не имели, только лишь пресловутые 40 лет, в течение которых притязания на земли могли быть рассмотрены в суде.

Как было упомянуто выше, вотчинные земли могли быть не только проданы, но и заложены. При этом статья 32 говорит о том, что в случае возможности погасить залоговые обязательства по вотчинным землям до наступления срока залога (кабалы) залогодержатель не вправе препятствовать досрочному погашению и высвобождению из-под залога вотчинных земель. Очень интересные положения, напоминающие ипотечные отношения (с физическими лицами) в наше время, однако штрафные санкции за досрочное погашение в наше время сняли сравнительно недавно, а досрочное погашение по залого вотчинных земель было закреплено ещё Уложением 1649 года.

Но и за просрочку платежа по заложенной вотчине следовали весьма серьёзные санкции: вотчина на выкуп больше не предоставлялась, даже в судебном порядке (ст. 33 главы XVII Уложения).

Интересным представляется то, что, как и в наше время, середина XVII века не лишена была умелых дельцов, которые сейчас называются «чёрными риэлторами». Статьей 34 рассмотрены вопросы продажи одной вотчины одновременно двум покупателям с уклонением от обязанности записи в Поместном приказе. При этом добросовестным приобретателем являлся первый покупатель, которому и переходили права на вотчину, а второй покупатель имел право на компенсацию своих убытков за счёт средств продавца.

Стоит отметить, что в качестве продавца могли выступать не только частные владельцы вотчинных земель, но и само государство. Так, в состав Соборного уложения вошел Указ «О продажных землях, которые проданы из порозжих земель в Поместном приказе и во дворцы в вотчины». В его положениях отражены ценовая политика продажи земель, порядок их предоставления. Документ определил в данном случае государство как одну из сторон договора купли-продажи земель, не умаляя его публичность и указывая на возможность формирования субъективизма в отношениях. Помимо исключительно гражданско-правовых регуляторов, глава XVII Уложения уделяет значительное внимание вопросам определения границ земельных участков, их межеванию (ст. 50–53). Именно это позволяет максимально идентифицировать земельный участок, избавив его от каких-либо правовых пограничных притязаний.

Подводя итоги анализу статей Соборного уложения 1649 г., непосредственно посвящённых особенностям оборотоспособности земель, стоит отметить, что положения глав XVI и XVII весьма подробно регламентируют понятийный аппарат различных земель, особенности их предоставления, порядок такого предоставления, возможности перехода прав (по различным основаниям) на земли, нормативно-правовую составляющую вовлечения земель в гражданский оборот, выделяя права на наследование и предоставление земель «на прожиток». Кроме того, серьёзное внимание уделено вопросам определения земли как объекта правоотношений через призму характеристик процедуры межевания земель, а также процедурные моменты регистрации прав в виде обязательной записи в Писцовых книгах о правообладателях земель (вотчинных и поместных).

На примере детального изучения вышеуказанных положений можно проследить отражение ныне действующих норм. Так, к примеру, можно говорить о правах собственников при долевом владении вотчинными землями, соблюдении основных принципов гражданского права, актуальных и в настоящее время, например, принцип «свободы договора».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что к 1649 г. складывается правовая основа оборотоспособности земель, которая отвечала основным запросам общества в области землепользования и землеустройства с весьма интересными ограничениями для правообладателей и довольно жёстким контролем со стороны государства не только за процессом эксплуатации земель, но и за порядком предоставления и распоряжения землями (в особенности). Ограничение по размеру предоставляемых земель позволяла минимизировать возможность формирования латифундий, а контроль за сделками и изменениями правового статуса земель способствовал прозрачности рынка земли в целом.

Список литературы

1. Соборное уложение 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. – СПб. : Печатано в типографии II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – Т. I: С 1649 по 1675 г.
2. Указ от 29 января 1649 г. «О продажных землях, которые проданы из порозжих земель в Поместном приказе и во дворцы в вотчины» // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. – СПб. : Печатано в типографии II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – Т. I: С 1649 по 1675 г.

3. Храмова И. С. Особенности перевода земель и земельных участков из одной категории в другую / И. С. Храмова // Гуманитарные исследования. – 2009. – № 3. – С. 235–240.

References

1. Sobornoe ulozhenie 1649 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 g. St. Petersburg, Pechatano v tipografii II otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kanceljarii, 1830. Vol. I: S 1649 po 1675 g.

2. Ukaz ot 29 janvarja 1649 g. «O prodazhnyh zemljah, kotorye prodovany iz porozhkih zemel' v Pomestnom prikaze i vo dvorcy v votchiny» // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 g. St. Petersburg, Pechatano v tipografii II otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kanceljarii, 1830. Vol. I: S 1649 po 1675 g.

3. Hramova I. S. Osobennosti perevoda zemel' i zemel'nyh uchastkov iz odnoj kategorii v druguju // Gumanitarnye issledovanija. 2009. № 3. pp. 235–240.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРОРА КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ В СИСТЕМЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

Сефиев Джамиль Рагим-Оглы, аспирант, Астраханский государственный технический университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 16, e-mail: adana_adanov@mail.ru.

Автором анализируется процессуальная деятельность прокурора как объект уголовно-правовой охраны в системе преступлений против правосудия. Рассматриваются пробелы уголовного законодательства об охране процессуальной деятельности прокурора. Предлагаются дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации для осуществления более эффективной защиты деятельности прокурора на практике.

Ключевые слова: правосудие, процессуальная деятельность прокурора, уголовно-правовая охрана, участники процесса; осуществление надзора

CRIMINAL LAW PROTECTION OF THE PUBLIC PROSECUTOR IN THE PROCEDURAL SYSTEM CRIMES AGAINST JUSTICE

Sefiyev Jamil Ragim-Oglu, postgraduate student, Astrakhan State Technical University, 414056, Russia, Astrakhan, 16 Tatishev St., e-mail: adana_adanov@mail.ru.

The author analyzes the procedural activities of the prosecutor as an object of criminal law protection in the system of offenses against justice. Spaces are considered criminal procedural law on protection of the public prosecutor. Proposed amendments of the Criminal Code of the Russian Federation to implement more effective protection of public prosecutor in practice.

Keywords: justice, procedural activity prosecutor, criminal law protection, actor of process; supervision

Преступления против правосудия, предусмотренные главой 31 Уголовного кодекса Российской Федерации, сгруппированы по различным признакам их составов¹.

Прежде чем выяснить место преступлений против процессуальной деятельности прокурора в системе преступлений против правосудия, необходимо рассмотреть эту систему в целом и её структуру.

В науке уголовного права существуют разные взгляды на систему преступлений против правосудия. Рассмотрим основные из них.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года (в ред. от 04.03.2013 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.